

Ефим Бершин

Метафора небытия

* * *

Пока по эту сторону земли
мы спали, в небесах случилась осень,
пошли дожди,
и вымокшие осы
ручьем по подоконнику текли.

Мы вышли в Гефсиманию.
И тень
легла к ногам неведомо откуда.
Уже вполне напоминал сирень
до синевы удушенный Иуда.

И камни выползали из травы,
и нищие шептались у дороги
о том, что не сносить нам головы
за эту страсть.
И месяцем двурогим

цвела корова в утреннем дыму,
и мир сошел с ума по вертикали,
все перепутав,
отомстив всему
тому, что было создано веками.

Сочилась церковь Спаса на Крови,
как в воду опрокинутая чарка.

Хрустел песок.
За нами шла овчарка,
ощерив рот в предчувствии любви.

* * *

Пространственная форма пустоты –
дыра в заборе
или кукиш рамы,
застывшие солдатские кресты,
свистящие из снежной панорамы,

звезда в ночи,
огонь из блиндажа,
самоубийство – как побег из плена,
фигура бесприютного бомжа –
как сгорбленная формула вселенной.

Вселенная бездомна, как огонь,
кочующий по воющим каминам,
как осень,
как отцепленный вагон,
как запах облетевшего жасмина.

За пустотой поникшего куста
сплошной пустыней
обреченно стынет
иная жизнь,
иная пустота,
иных пустот бесплодней и пустынной.

Давай с тобой уйдем через забор,
через дыру.
И станем переулком.
И станем ветром.
И закончим спор
на перекрестке суетном и гулком.

Так дерево становится золой,
так грешница становится невинной,
трава – стерней,
развалины – землей,
а роща – переливом соловьиным.

Так талый снег становится водой.
Так звездной ночью, распуская космы,
ты станешь ослепительной звездой,
перечеркнувшей падающий космос.

Нам выпала забавная игра –
щекочущий сквозняк далеких странствий.
Пространства нет!
Есть вечная дыра
в окаменевшем облике пространства.

Уйти из дома – как взойти на крест.
И стать крестом,
как злаку – коркой хлеба.
Так свищет над планетой Эверест,
смиренно принимая форму неба.

Мы мертвую держались за скобу
родного дома.
Но скрипит со стоном
гнилая дверь.
Не обмануть судьбу.
Ты чувствуешь? Уносит!
Вместе с домом.

* * *

Луну зарезали под утро,
в шестом часу, в канун Покрова.
Как перевернутая урна,
валялось небо у парома.

Вороны раздирали воздух
осколками ушедшей ночи,
гортанно падая на воду
и рассыпаясь многоточьем...

Уже ничто не отделяло
от наступающего снега –
лишь край стола да одеяло,
да женщина на фоне неба.

Она под утро воскресенья
явилась в снежном ветхом платье –
последней милостью осенней,
последним знаком о расплате.

Остановились дни и числа.
Среди реки застыло судно.
Шел первый снег,
шел снег пречистый
на мир, исполненный абсурда,

на мир, где улица томилась,
меняя лики на личины,
где Божий гнев и Божья милость
уже почти неразличимы.

* * *

Стальные тучи нянчили стерню,
гудела печь, река гасила ветер...
Ты – мой билет в далекую страну,
которой больше нет на белом свете.

Но есть река.
Но есть еще огонь
иных костров.

И – памяти осколки.
Давай войдем в отцепленный вагон
и тронемся, свисая с верхней полки.

И даже не спохватимся со сна,
и не поймем, что память – вид недуга.
За окнами завоет тишина,
изображая грохот виадук.

* * *

Еще темно.
И замысел не явлен.
Шумит вдали Богоявленский бор.
И сладкий запах августовских яблонь
клубится и уходит за забор.

Скупой фонарь ведет до поворота,
а там – уже неразличима суть.
Пойдешь направо – топи да болота,
пойдешь налево – голову снесут.

Смотрю из туч, как из коровьих ясель –
ни месяца, ни года, ни числа.
Еще не явлен замысел,
не ясен,
и книга жизни девственно чиста.

Ни шороха, ни возгласа, ни слова.
Поселок дремлет, звездами ведом.
И мир безмолвен.
Так безмолвен, словно
еще на русский не переведен.

Крещение

Нам далеко до Иордана,
где струи, вязкие, как сок,
сочатся столь же первозданно,
как солнце, воздух и песок,

где к северу от Бет-Шеана,
что солнцем выкрашен, как хной,
толпа смиренно не дышала
в немыслимый крещенский зной.

Слепцы, погонщики верблюдов,
менялы и поводыри,
и множество другого люда
стояло молча до зари.

Они искали место Богу
и суть, и формулу. И вот
спокойно обрели свободу
в купели иорданских вод.

Нам – далеко.
В снегу – осины.
Из сруба выперла скоба.
И весть о Человечьем Сыне
доносит хриплый лай собак.

Зато соседка на Крещение
всех разом соберет к столу
и, наспех вымолив прощенье
у складня в вышитом углу,

достанет из печи просфоры –
вся распаленная, в золе.
Но тем решит проблему формы
и места Бога на земле.

* * *

Покуда снег белил ворону
на самой маковке креста,
затягивала, как в воронку,
пугающая пустота.

И слепленные, как из ваты,
из этих снежных облаков,
белели в поле две кровати,
ночник и пара башмаков.

Мы были временем без места.
И, дотянувшись до небес,
шумел, как праздничная месса,
еще не вырубленный лес.

Мы долго елку наряжали.
Шел снег. И ночь сменялась днем.
И стыли на снегу скрижали,
начертанные вороньем.

Москва

